

Михаил Голубков

ЗАЧЕМ НУЖНА РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?

*Из записок
университетского словесника*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Михаил Голубков

**Зачем нужна русская
литература? Из записок
университетского словесника**

«Прометей»

2021

УДК 82.091
ББК 80/83

Голубков М. М.

Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника / М. М. Голубков — «Прометей», 2021

ISBN 978-5-00172-200-7

Эта книга представляет собой сборник статей, написанных автором на протяжении последних лет. Она сводит воедино те проблемы литературы XX и XXI веков, которые входят в круг его профессиональных научных интересов. Однако книга не просто включает статьи разных лет — она обладает строгой композиционной целостностью. Ее своеобразным литературоведческим «сюжетом» становится история осмысления современным литературоведением проблем литературы XX века. Книга дает ответ на главный вопрос, вынесенный в ее заглавие: зачем нужна русская литература? Материалы, собранные здесь, активно используются в преподавании русской литературы XX века на филологическом факультете МГУ. Издание адресовано студентами-филологами бакалавриата и магистратуры для углубленного изучения литературной истории XX века и современной литературной ситуации и всем, кому интересна русская литература. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.091

ББК 80/83

ISBN 978-5-00172-200-7

© Голубков М. М., 2021

© Прометей, 2021

Содержание

Вместо введения: Зачем нужна русская литература?	6
Чужие: о поколении, сдавшем ОГЭ, ЕГЭ и написавшем «итоговое сочинение» забыв про русскую литературу (P.S. нынешнего года)	14
Глава 1	18
Концепция революции в литературе 1920-х годов (А. Блок, М. Булгаков, В. Маяковский)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Михайлович Голубков
Зачем нужна русская литература? Из
записок университетского словесника

© Голубков М.М., 2021

© Издательство «Прометей», 2021

Вместо введения: Зачем нужна русская литература?

Одной из доминант современного общественного сознания становится ощущение некоей идейной пустоты. Она обусловлена вакуумом представлений о том, что есть наша национальная идентичность и что ее формирует. Кроме того, налицо вакуум идеологии, которая могла бы определить характер пройденного исторического пути, наше сегодняшнее место в национально-историческом пространстве, а также перспективы – дальние и ближние, которые открываются перед современным человеком и обществом в целом.

Отсутствие отрефлексированного комплекса идей есть отсутствие осознанной исторической перспективы. Без нее, как представляется, невозможно формирование единства людей, принадлежащих одной нации и государству, на основе надличностных целей и интересов – ведь это единственное, что можно противопоставить атомизации общества.

На основе чего возможно формирование общезначимой национальной идеи? Во-первых, на возрождении исторической памяти как актуальной составляющей каждодневного бытия человека. Современный русский (российский) человек может и должен в своей каждодневной жизни ощущать себя наследником тысячелетней культурно-исторической традиции.

Во-вторых, для современного человека точно так же, как и во все времена, необходимо понимание исторической цели существования русской цивилизации и личной причастности к этой цели. Лишь тогда человек ощутит себя и частью общества, и членом государства.

В самом деле, что сближает нас всех, прошедших уже два десятилетия XXI века? В сущности, две вещи: язык и общая тысячелетняя история, давшая нам ту культуру, которую мы часто не видим и не умеем ценить. Но если родным языком мы овладеваем без усилий, то для овладения историей и культурой требуются весьма значительные усилия – и от личности, как в процессе становления, так и на протяжении всей жизни, и от ближайшей социальной среды, в которой созревает человек, от школы, с которой связаны первые десять (теперь – одиннадцать) сознательных лет его жизни.

И вот здесь-то возникает самая большая проблема: школа не выполняет своей главной задачи – культурно- исторической социализации человека, не включает его в контекст тысячелетней истории и не связывает его судьбу с историческими перспективами России – по той причине, что в самом обществе неощутимы эти связи. Они как будто стали не нужны, не востребованы. В результате даже в том случае, если школа и дает некие представления об истории, русской культуре и литературе, то они существуют (какое-то время) в сознании выпускника сами по себе, а его офисно-менеджерская жизнь (а еще лучше – чиновничье-управленческая) – вне всякой связи со школьными или вузовскими знаниями гуманитарного профиля. Таким образом, человек, вступая во взрослую жизнь, к тридцати годам ощущает себя не гражданином своего отечества, а менеджером, клерком, обслуживающим (если удастся хорошо устроиться) интересы транснациональных монополий. Увы, так устроена современная экономика, ей подчинены социальные структуры, ею определяются социальные процессы. Смеем предположить, что это устройство не является единственно верным. Скорее, наоборот: оно не только не учитывает исторические перспективы российской цивилизации и государственности, но противоречит им.

Начнем с того, что попираются глубинные, выработанные веками национальной жизни и быта принципы отношений, когда культ личного успеха просто не мог доминировать в общественном сознании, когда слово и честность априори были значительно важнее финансовой состоятельности и определяли ценность личности, когда чистоплотность превалировала над нечистоплотностью и существовало понятие «нерукопожатности», «нерукопожатного человека», когда честь ценилась значительно выше собственной жизни.

Но возникает вопрос: если эти черты, некогда укорененные в национальной ментальности, безвозвратно канули, откуда мы можем знать об их отдаленном во времени существовании и как мы можем судить о них? Что это за мифология прежней прекрасной жизни, противопоставленная нынешним обстоятельствам?

Мы можем судить о них по литературе. Именно литература доносит до нас через десятилетия и века нормы национальной жизни. Формирует представления о должном и недолжном, о той самой нерукопожатности (слово, давно ставшее историзмом). Литература формирует наши взгляды на исторические события и на людей, участвовавших в них, – рассказывает о том, как они мыслили себя, как ощущали в пространстве русской истории, что двигало ими, заставляя вершить историю, совершать поступки, действовать вопреки интересам личного преуспевания. От Льва Толстого мы знаем о войне 1812 года, от Грибоедова – о мироощущении декабриста накануне выхода на Сенатскую площадь, от Алексея Толстого – о преобразованиях Петровской эпохи, от Достоевского – о том, как чувствует себя человек в период ускоренного развития капитализма. В этом смысле герои «Преступления и наказания» выглядят едва ли не нашими современниками, особенно если вспомнить «теорию целых кафтанов» Лужина и мысль героя о том, «что все в мире на личном интересе основано», – под нее подводится целая научная концепция. Достоевский показывает, к чему приводит подобная идеология и человека, и общество, ступившее на сей путь. Вот только наши современники далеко не всегда могут прочесть и понять роман, написанный больше чем полтора века назад. А кажется – что сегодня и о нашем времени.

Литература является носителем своеобразного генетического кода, без которого человек и общество теряют преемственные связи по вертикали времени. Через литературу человек получает накопленный столетиями опыт национальной жизни, частного поведения, манеры чувствовать и думать. И считать, что этот опыт архаичен и неприменим в современных условиях (можно сослаться на глобализацию), значит отказаться от принадлежности к собственной национальной культуре. В самом деле, почему неприменим? Потому что не нужен для работы в нефтяной компании? В какой-либо транснациональной монополии, где вполне достаточно беглого английского языка? Да, там, вероятно, более востребован культ личного успеха любой ценой, и американское кино оказывается, конечно, более привлекательным носителем социальной информации, чем русская литература XIX века.

А в самом деле, чему учила русская литература двух последних столетий? В двух словах можно сказать: ответственному отношению к собственной жизни и к национальной судьбе, настаивая на том, что сложится она (жизнь, судьба) так или иначе при личном и непосредственном участии каждого человека. Безответственное отношение к собственной жизни и непонимание национальной судьбы трактовались как болезнь, о чем прямо сказал в предисловии к своему роману Лермонтов, указав обществу на симптомы и настаивая на необходимости «горьких лекарств». Культ личного успеха с презрением отверг Чацкий, утверждая свое право служить и гневно отказываясь прислуживаться. Хорошо бы, чтобы школа учила такому пониманию художественных текстов.

Ныне литература действительно утратила свои важнейшие социально-психологические функции, среди которых формирование национального взгляда на мир, манеры чувствовать и думать оказываются первостепенными.

Конечно, чтобы «вычитать» в художественных произведениях алгоритмы национального поведения в обыденных или катастрофических ситуациях, нужно научиться читать, – тому и должны служить школьные уроки по литературе. Увы, они далеко не всегда достигают своей цели. Современный выпускник зачастую выносит из них мысль о некоем абстрактном гуманизме, утверждаемом словесностью, а также размышления о том, что «человеческая жизнь есть высшая ценность». Но если именно ради этой мысли созданы тома русской классики, то как понять размышления Петруши Гринева под виселицей, когда Савельич просит его, сплю-

нув, «поцеловать злодею ручку»: «Я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению». Значит, для Петруши есть какие-то более значимые ценности, чем его жизнь: он готов не раздумывая повторить ответ великодушных товарищей своих самозванцу и расстаться с жизнью, как только что сделали капитан Миронов и другие его соратники по обороне крепости, – но не расстаться с честью, которая для героя важнее...

Оглядываясь на опыт XX века, многие писатели и в Советской России, и в эмиграции возложили на русскую литературу вину за исторические потрясения, выпавшие на нашу долю. На Западе эта точка зрения аргументировалась следующим образом: именно литературный образ русского человека, то разломанного и лишённого цельности, как Онегин или Печорин, то бездеятельно-созерцательного, как Обломов на своем диване, то необразованного и ленивого, как Митрофанушка, прячущийся за матушкиной юбкой, унижил нас в глазах Европы и представил легкой добычей перед Вермахтом, когда разрабатывался план «Барбаросса». Немцы рассчитывали встретить здесь сплошных Обломовых... Русская литература обманула их, внушив ложные представления о русском человеке, и этот обман слишком дорого стоил нам.

Для писателей иного исторического опыта, для познавших репрессии и поднявших лагерную тему, именно гуманистический пафос русской литературы обнаружил полную несостоятельность. По мысли Варлама Шаламова, сама гуманистическая литература скомпрометирована, ибо действительность вовсе не оказалась соотносима с ее идеалами: «Крах ее гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, доказали, что искусство и литература – нуль. При столкновении с реальной жизнью это – главный мотив, главный вопрос времени». Этот же мотив недоверия классической литературе слышится и у А.И. Солженицына – от полемики с Достоевским, с его «Записками из Мертвого дома», до полемики с Чеховым.

Речь у Шаламова и Солженицына идет о наивном гуманизме, трактующем человека венцом Вселенной и самым смыслом ее существования. При столкновении с реальными противоречиями жизни, тем более с историческими катаклизмами, подобная позиция обнаруживает свою полную несостоятельность, а «та жалкая идеология “человек создан для счастья”», внушенная литературой, выбивается «первым ударом нарядчикова дрына» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Думается, что и в том, и в другом случае речь идет о ложной и некорректной интерпретации глубинного идейного пафоса литературы XIX – XX веков. В ней содержались не только идеи о счастье, для которого создан человек, но утверждалась, повторимся, мысль об ответственном отношении человека к миру. Об ответственности личности за собственную честь, которая воистину дороже счастья и жизни, и национальную судьбу, за которую и жизнь положить не жалко. И мы можем припомнить не только бездеятельных Обломова с Онегиным, но и героев совсем другого склада: Чацкого, Петрушу Гринева, Татьяну Ларину, князя Андрея, Николая Ростова, лесковских Левшу и атамана Платова... Целую галерею образов праведников, созданных Николаем Лесковым в одноименном цикле.

Функцией литературы в условиях литературоцентризма русской культуры было формирование национально значимых образов культурных героев, с которыми и по сей день самоидентифицируется любой грамотный человек. Они «обживают» историю, делают ее понятной, близкой и «домашней», создают алгоритмы поведения в разнообразных жизненных ситуациях, формируют систему бытовых и онтологических ценностей. Образы литературных героев, перешедших с книжных страниц в национальное сознательное и бессознательное, ставших национально значимыми архетипами, категориями национального сознания, которыми мыслит русский человек еще совсем недавно, сформированы литературой предшествующих столетий.

Конечно, русской литературе XX века история неизбежно предъявит и свой счет. Слишком уж многие важнейшие аспекты национальной жизни оказались не запечатлены отечественными художниками слова – ни в метрополии, ни в эмиграции, ни в потаенной литературе. А

стало быть, следуя русской традиции, остались (хочется надеяться, до времени) не осмыслены национально-историческим сознанием людей, живущих уже в начале XXI века. Не преломленные художественно, они будто не отражены в национальной памяти. Таковы Кронштадтское восстание гарнизона города и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против власти большевиков, восстание крестьянской армии атамана Антонова на Тамбовщине и его подавление Красной армией под командованием Тухачевского (лишь два рассказа Солженицына 1990-х годов), голод на Юге России в начале 1930-х годов (лишь рассказы Тендрякова), гонение на Церковь и уничтожение священства. Да и участие России в Первой мировой войне не нашло бы отражение в литературе, если бы не «Август Четырнадцатого» и последующие узлы «Красного Колеса» Солженицына.

Так уж сложилось в последние две-три сотни лет, что всякий русский постигал исторические судьбы своей страны, обретал национальную принадлежность, впитывал культурные гены своей нации из литературы. Через литературу приобщался к образу мыслей и ощущению бытия давно ушедших поколений, обретал с ними кровную и глубоко личную связь. В этом и состояло то, что мы привычно называем литературоцентризмом русской культуры. И это качество мы утратили.

Три с лишним десятилетия назад произошла вспышка воистину всеобщего интереса к литературе. То был конец 1980-х – начало 1990-х, когда тиражи «толстых» журналов взлетели на невероятную высоту, а публикация любого «задержанного» произведения, будь то «Собачье сердце» М. Булгакова или же «Новое назначение» А. Бека, вызывало всеобщий и самый искренний интерес. Литература восстанавливала народную историческую память, будто вклеивала вырванные и растерзанные страницы в книгу национального исторического бытия. Тогда и представить было невозможно, что миллионные тиражи года через два упадут так, что не будут набирать и тысячи...

Литература перестает быть для современного поколения сферой национального самосознания, национальной саморефлексии и утрачивает важнейшую свою функцию – ориентировать человека в историческом пространстве, определять его бытийные ориентиры. Она превратилась в форму занимательного и необязательного досуга, чтение перестало быть престижным занятием. В результате книжный рынок заполнился продуктами совершенно иного рода, предлагающими в качестве культурных героев современности Дашу Васильеву, доморощенного детектива из сериала Донцовой, или же Фандорина из псевдоисторического романного проекта Акунина.

В результате утраты литературой присущего ей на протяжении трех последних столетий высокого статуса в русской культуре, традиционно литературоцентричной, возник ощутимый вакуум, заполнить который пока нечем.

Можно ли связывать подобную ситуацию бытийного вакуума с утратой культурного литературоцентризма? Думается, что да. Утрата литературой своего традиционного статуса и потеря прежних функций не могла оказаться безболезненной. И здесь мы с неизбежностью говорим о роли государства в поддержке художественного слова (или же в полном небрежении им) в его воздействии на современника.

В самом деле, почему нынешняя власть столь открыто демонстрирует свое пренебрежение литературой? Почему, навязав обществу ЕГЭ, заставив школу отказаться от сочинения – формы экзамена, существовавшей в русской школе на протяжении без малого трехсот лет, которая обнаруживала способность человека мыслить и формулировать свои взгляды, демонстрировать навыки письменной речи, логической аргументации собственных суждений, все три министра образования путинского времени (Филиппов, Фурсенко, Ливанов) – последующие двое себя мало чем проявили – с упорством, достойным лучшего применения, превращали экзамен по литературе в «угадайку» и мини-эссе на тему «я так думаю»? Чем русские писатели так уж не угодили российским политикам нынешнего поколения?

Думается, своей антибуржуазностью. Неприятием ценностей «успешности», благополучия, стяжательства, которые открыто декларируются сегодня. На съезде учителей русского языка и литературы, который регулярно проводится в МГУ, выступал некий чиновник московского правительства. Кто он и как его звать не имеет никакого значения. Появившись на трибуне с ноутбуком, он рассказывал об успешности как высшей цели школьного образования: воспитать успешного ученика, поощрить успешного учителя. Заверив аудиторию, что всегда готов к диалогу, он удалился сразу же после своей успешной речи – и то после того, как учителя, делегаты съезда, не выдержав, начали аплодировать прямо в середине его размышлений, не давая говорить. И следующий же выступающий бросил вслед убегающему чиновнику вопрос: а с неуспешными-то что делать? В расход их, что ли? И где критерий успешности? Имеет ли он лишь финансовое выражение?

Очевидно, что на смену традиционным ценностям взаимной поддержки, основанным на укорененной в национальном сознании идеологии общинности, идее соборности, чувстве коллективизма приходят ценностные ориентиры личного успеха любой ценой, в том числе и за счет ближнего, который вдруг может оказаться неуспешным. На смену взаимной поддержке приходит конкуренция.

Такая жизненная стратегия, воистину дарвиновская, когда побеждает сильнейший и правит бал естественный отбор, навязывается нам ныне! Подобного рода ценностные ориентиры, «буржуазные», как их презрительно называли представители Серебряного века, насаждаются теперь насильственно, как картошка при Екатерине. Их всегда и безоговорочно отвергала русская литература. От них с отвращением отвернулся Достоевский, заставив Лужина излагать свои теории целых кафтанов и бедных жен; образ успешного носителя буржуазных ценностей создал Иван Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско». Только столкновение с подлинным, со смертью, открывает всю бессмысленность успешности и тщету жизни, подчинённой буржуазным ценностям, поистине онтологический тупик буржуазной цивилизации. Именно своей антибуржуазностью русская литература не вписывается в современные реформы образования!

Оглянемся на времена советские. Прошли те времена, когда мы бранили соцреализм, советскую власть, искоренение инакомыслия в литературе. Негативное воздействие на словесность того процесса, который в современном литературоведении получил название «огосударствление» литературы, хорошо известно. Его жертвой пали и отдельные писатели, и целые литературные направления (новокрестьянская литература, представленная С. Есениным, П. Васильевым, С. Клюевым, А. Ганиным, или же абсурдизм ОБЭРИУтов Д. Хармса, К. Вагинова, А. Введенского). Но не только лишь к уничтожению писателей и литературных направлений сводилось внимание государства к литературе. Первый съезд советских писателей (1934) ознаменовал принципиально новый характер отношений литературы и власти, когда словесность становится государственным делом, а писательский труд – востребованным и общественно значимым. Создается Союз писателей, формируется (впервые в мировой истории) Литературный институт, готовящий профессиональных литераторов, организован академический Институт мировой литературы им. М. Горького. И все эти события становятся объектом колоссального общественного внимания, воспринимаются людьми 1930-х годов так же остро и с той же гордостью, как перелет в США через Северный полюс и эпопея спасения челюскинцев.

Иногда, правда, приходится слышать следующее: массовое открытие литературных изданий, поддержка Литинститута, Союза писателей и др. не могли осуществляться вне гонений на писателей и литературные течения, которые не соответствовали официальной идеологии. Мы полагаем, что это не так. В данном случае речь идет о разнонаправленных и даже противоречивых векторах советской системы и советской политики, которая несла в себе как глубочайший гуманизм и любовь к человеку (примеры известны, среди них – ликвидация беспризорности, сплошная грамотность, отсутствие бездомных, поголовное среднее образование,

всеобщий доступ к медицинскому обслуживанию и многое другое), так и людоедство ГУЛАГА и всего, что с ним было связано. Один вектор почти не пересекался с другим, они будто существовали в разных измерениях, поэтому об одной эпохе написан и «Василий Теркин» А. Твардовского, и пронзительная повесть К. Воробьева «Это мы, Господи!». А позитивная роль литературы, какую она играла в советские годы, была обусловлена именно государственным вниманием и поддержкой.

Именно в результате государственного влияния и поддержки возникло явление, которое получило название социалистического реализма. Не понятое в советское время (из-за неизбежной идеологизации любого его филологического исследования), осмеянное в постсоветское, сейчас оно все более привлекает внимание исследователей. Постепенно становится ясно, что социалистический реализм удовлетворял очень важную общественную потребность. Когда революцией были уничтожены прежние социальные институты, общественные связи нарушены, мораль, основанная на общечеловеческих принципах, объявлялась буржуазной, религия трактовалась как опиум для народа, а Церковь подвергалась невиданным гонениям, общество нуждалось в слове, способном организовать распадающийся мир, лишившийся прежних связей и структур и не обретший новых. Литература могла сказать такое слово и говорила его. Именно социалистический реализм стал тем литературным направлением, которое сумело показать человеку, выбитому из прежних социальных ячеек, его место в становящемся мире. Литература объясняла читателю новый мир, творящийся на его глазах, структурировала его, указывала личности место в новых социальных структурах, формировала представления о частных, социальных, исторических задачах, указывала место в мироздании. Это было органичное, идущее изнутри литературы стремление. Литература брала на себя функцию организации общества, лишенного бытийных, онтологических, религиозных ориентиров и исконных нравственных ценностей. Иными словами, литература структурировала пореволюционный ХАОС, превращала его в новый послереволюционный КОСМОС, придавала ему черты гармонии и высшей разумности, вписывая в него читателя, объясняя ему, в чем состоят результаты грандиозной исторической ломки, пережитой в прошлом десятилетии.

Утратив прежнюю мифологию, общество нуждалось в новых мифах, способных представить революцию как эпоху первотворения, результатом которой является современное мироздание. И литература ответила на эту общественную потребность, создала художественную мифологию, которая формировала у читателя картину мира, светлого и преображенного, устремленного к несомненным и очевидным историческим перспективам. Советская мифология, созданная литературой социалистического реализма, конструировала категории мышления строителя прекрасного коммунистического завтра.

Литература рождала миф о Революции как о грандиозном историческом преображении космических масштабов, приведшем к сотворению Нового Мира. Основные константы этого мифа оформились в исторической эпопее А. Толстого «Петр Первый», в его повести «Аэлита», в эпопее «Хождение по мукам», в романе Н. Островского «Как закалялась сталь», в колхозном эпосе М. Шолохова «Поднятая целина».

Рядом с этим мифом и одновременно с ним творился миф о Новом Человеке, героедемииурге. Его воплощением стал Левинсон («Разгром» А. Фадеева), Павел Корчагин («Как закалялась сталь» Н. Островского), Курилов («Дорога на Океан» Л. Леонова). Чертами такого героя становятся аскетизм, отсутствие личной жизни (любовь сознательно принесена в жертву Революции), железная воля, способность к строгому рациональному мышлению, сильный дух, властвующий над физически слабым и изможденным телом. С названными чертами нового человека ассоциируется христианский мотив укрощения плоти (потерянное в борьбе здоровье), жертвенность и восхождение.

В той мифологической модели нового мира, которая создавалась литературой социалистического реализма, даже пространство и время обретали особые качества. Время, история

могли выступать как косное начало, требующее ускорения ценой невероятных волевых усилий героя-демиурга и его сподвижников, способных схватить Фортуна за волосы и повернуть к себе лицом, рвануть колесо истории и заставить его крутиться быстрее («Петр Первый» А. Толстого). Миф о победе над временем создают В. Катаев («Время, вперед!»), И. Эренбург («День второй»).

Советская мифология преобразовывала и переосмысляла христианские и языческие образы, мотивы, сюжеты, перетолковывая их в соответствии со своими нуждами. Наиболее очевидно подобное переосмысление в романе «Молодая гвардия» А. Фадеева. Он буквально впитывает в себя канонические христианские представления (и этот аспект художественного мира романа не был затронут в ходе переработки, когда создавалась вторая редакция). Молодогвардейцы ощущают себя почти так же, как первые христиане, их конспиративные встречи выглядят как катакомбные собрания, свою миссию они видят в проповеди Правды, в донесении Благой Вести до сограждан через листовки, переписанные от руки, размноженные сводки совинформбюро; радиоречи Сталина передают друг другу и ближним как слова апостольской проповеди; флаги, вывешенные на 7 ноября, напоминают церковные хоругви. Конфликт и его разрешение вписываются в рамки той же традиции: участвуя в битве с силами тьмы и inferнального зла, молодогвардейцы одерживают безусловную нравственную победу и обретают вечную жизнь через жертвенную смерть.

Задача формирования советской идеомифологической системы ставилась перед новой литературой: она должна была «воспитать нового человека». В определении, данном социалистическому реализму в 1934 году, говорилось о важнейшей «задаче идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма». Именно эта литература, создавая новую мифологию, ориентировала человека в историческом пространстве XX века, воспитывала его, формировала высокие духовные идеалы и противостояла все усиливающемуся карьеризму и стяжательству сталинской бюрократии, ее беззакониям, нарастающим репрессиям, ГУЛАГУ.

Вполне естественно, что положение литературы в школе как предмета было совсем иным, чем сейчас. Это был основополагающий предмет школьного цикла, что подчеркивалось тем, что сочинение было первым и обязательным выпускным экзаменом и первым и обязательным экзаменом вступительным. Фасады типового здания советской школы 30-50-х годов украшали профили писателей – Ломоносова, Пушкина, Горького, Маяковского.

Литература создала столь притягательный образ советского мира, что он стал национальной идеей огромной страны, мировой державы на протяжении нескольких десятилетий. Образ мира, созданного советской литературой, формировал идеал жизни, приближение к которому обусловило исторические цели нескольких советских поколений. И хотя этот идеал так и не был достигнут, он обладает несомненной ценностью, и можно ли от него с пренебрежением отвернуться нынешнему поколению, которое не смогло выработать для себя и своих детей не то чтобы идеал, но хоть сколько-нибудь внятную историческую перспективу, которая не была бы связана с курсом иностранной валюты и ценой на нефть?

Обращаясь к сегодняшнему дню, мы можем поставить два принципиальных вопроса. Во-первых, понимают ли чиновники Министерства образования и науки неестественность и неорганичность для русского сознания утраты культурного литературоцентризма? Во-вторых, если понимают, то хотят и могут ли что-нибудь противопоставить данной ситуации?

Ответы приходят сами собой, когда видишь, что происходит в школе с гуманитарным циклом предметов, в том числе с литературой.

Положение литературы в современной школе видится как плачевное. Такое впечатление, что она теперь просто не нужна, существует по инерции и с каждым годом все теряет и теряет отведенные на нее часы. Такое положение усугубилось введением ЕГЭ, системы абсолютно формальной, резко сужающей до холодного прагматизма интересы выпускника и выхолащивающей суть гуманитарного знания.

ЕГЭ нанес по литературе в школе сокрушительный удар. Суть в том, что гуманитарное знание, а литература в особенности, в принципе не поддается формализации. Отмена школьного сочинения как экзамена по русскому языку и литературе и переход к тестам и коротенькому эссе привели к тому, что литература утратила статус обязательного предмета. Изучение литературы «под ЕГЭ» не имеет никакого смысла ни для ученика, ни для вуза, куда он принесет свои результаты. В таком виде экзамен по литературе и в самом деле не нужен.

Если мы хотим что-то противопоставить культурному и идеологическому вакууму современности, мы должны вспомнить о единственном и уникальном в своем роде носителе социально-исторической и культурной информации – о художественной литературе. Ее уникальность состоит в личном и даже интимном обращении к каждому, кто берет в руки книгу, в возможности, открытой для каждого, ощутить себя современником Петра Первого, Кутузова, Пугачева и почувствовать, как ощущали себя в те времена Гринев, князь Андрей, Алексашка Меньшиков. Только для того, чтобы это произошло, нужно воспитать читателей, способных и желающих размышлять. Только тогда русская литература сможет оправдать перед современным и будущим поколениями факт своего исторического существования.

Чужие: о поколении, сдавшем ОГЭ, ЕГЭ и написавшем «итоговое сочинение» забыв про русскую литературу (P.S. нынешнего года)

P.S. нынешнего года, 2021, написан в соавторстве доцентом филологического факультета МГУ Н.В. Николенковой.

Воспоминания о весеннем карантине 2020 года у нас ассоциируются с идущими в фоновом режиме рекламными роликами о важности поправок в Конституцию: Сергей Безруков сообщает, что «таких метафор, эпитетов, образов нет ни в одном языке мира», повторяет высказывание И.С. Тургенева о том, что «русский язык – защита и опора», и радуется, что положение о защите русского языка оказалась теперь в тексте основного закона. С позиции руководства страны, чиновников Минпросвещения и людей, далеких от школы, русский язык необходимо защищать от интернета, от социальных сетей, роликов из Ютьюба и Тик Тока, тогда как школа, уроки русского языка и литературы в ней помогают выработать высокую культуру речи, любовь и тонкое понимание родного языка.

Однако учителя старших классов школ все чаще фиксируют стремительно падающий уровень грамотности у молодых людей: многие предметники (и гуманитарии, и естественники) указывают на неспособность понять и пересказать параграф из учебника 10–11 классов; ведущие на первых курсах преподаватели вузов отмечают растущую неспособность развернуто отвечать на семинарах и далее на зачетах (для многих ответ на билет – это сформулированная одним предложением простейшая расшифровка стоящего в нем вопроса). И это происходит именно сейчас, хотя уже шесть лет старшеклассники пишут четыре обязательных текста, где, как думают создатели этих экзаменов и в чем уверены наблюдатели со стороны, они и должны показать, как научились владеть русским языком – тем великим и могучим языком Пушкина и Тургенева, о котором говорил Сергей Безруков.

Что это за тексты? Изложение и эссе в рамках ОГЭ по русскому языку за 9 класс; введенное в 2014 году «итоговое сочинение», которое выпускники школ пишут в качестве допуска к ЕГЭ; и, наконец, эссе в рамках обязательного для всех экзамена по русскому языку за 11 класс. При этом Росособнадзор ежегодно отчитывается о повышении среднего балла ОГЭ и ЕГЭ; а день, когда одиннадцатиклассники пишут сочинение, сопряжен с новостными сюжетами о любви к родной литературе и росте читательской культуры подростков.

А теперь развеим иллюзии тех, кто по-прежнему уверен, что написать эти тексты может только человек, овладевший всеми «эпитетами и метафорами» русского языка и глубоко изучивший русскую литературу. Приведем фрагменты текстов, предлагаемых для изложения, содержащие банальности и поражающие своей примитивностью: «Универсального рецепта того, как выбрать правильный, единственно верный, только тебе предназначенный путь в жизни, просто нет и быть не может. И окончательный выбор всегда остаётся за человеком. Этот выбор мы делаем уже в детстве, когда выбираем друзей, учимся строить отношения с ровесниками, играть»; «Что такое хорошая книга? Она должна быть увлекательной, интересной. После прочтения первых страниц не должно возникать желания поставить её на полку. <...> Книга должна быть написана богатым языком. Она должна нести глубокий смысл. Оригинальные и необычные идеи тоже делают книгу полезной»; «Иметь семью и детей так же необходимо и естественно, как необходимо и естественно трудиться. Семья издавна скреплялась нравственным авторитетом отца, который традиционно считался главой. Отца дети уважали и слушались. Он занимался сельхоз- работами, строительством, заготовкой леса и дров. Всю тяжесть крестьянского труда с ним разделяли взрослые сыновья»; «В современном мире нет человека, который не соприкасался бы с искусством. Его значение в нашей жизни велико. Книга, кино,

телевидение, театр, музыка, живопись прочно вошли в нашу жизнь и оказывают на неё огромное влияние»¹.

Вы растерялись? Вы не можете представить себе, что это предлагают 15-летним подросткам для изложения? Сравните: «В России живёт множество разных народов. Народы эти объединяются в группы, а группы – в семьи. Это объединение происходит по языку, на котором они говорят. До наших дней дошла поговорка кочевников: “Наша дружба поблекнет лишь тогда, когда хмель утонет в воде, как камень, и камень полетит по воздуху, как хмель”» и «Слово “мама” – особое слово. Оно рождается вместе с нами, сопровождает нас в годы взросления и зрелости. Его лепечет дитя в колыбели. С любовью произносит юноша и глубокий старец. В языке любого народа есть это слово. И на всех языках оно звучит нежно и ласково». Один из приведенных текстов – контрольное переписывание по итогам обучения во 2 классе. Другой – для 9 класса. Сможете точно определить, какой из них для старшеклассников?

А ведь предполагается, что девятиклассники уже прочитали целиком, разобрали и проанализировали «Евгения Онегина», «Героя нашего времени», «Мертвые души», выучили наизусть «Смерть поэта», «Три пальмы» и предисловие к «Медному всаднику». На уроках литературы они читали тексты, написанные на другом языке – на том русском литературном, о богатстве и образности которого нам напоминал Сергей Безруков. Но этот язык им не нужен на первом серьезном письменном экзамене! Пересказать они должны скудный, плохо написанный или убого сокращенный текст, содержащий избитые мысли, да еще часто избыточный тем, что всегда считалось стилистическими ошибками – постоянными повторами, куцыми нераспространенными предложениями и т. д. При этом изложение 15-летнего подростка должно состоять из 70–80, в среднем, слов (даже в сказке «Репка» их 110!)

Другое задание в ОГЭ – эссе. Молодые люди должны прочитать фрагмент из какого-нибудь произведения (выбор обычно связан с рассказом о каком-то событии, при этом Пушкинские, Лермонтовские и другие классические тексты практически никогда не привлекаются, зато особенно любим составителями детский автор ранней советской поры Леонид Пантелеев) и написать одно из трех эссе. Наиболее популярным оказывается третий вариант: как вы понимаете какое-нибудь слово, напишите об этом качестве человека и приведите два примера – *из прочитанного текста и из жизненного опыта*, объем – все та же сказка «Репка».

Само задание ориентировано на редукцию читательского опыта. Он просто не нужен: эссе не предполагает обращения к русской литературе, которую изучали на протяжении средней школы. Эссе ориентировано на тот же демагогический треп, который содержится в текстах для изложений (быть начитанным / смелым / разбирающимся в искусстве / добрым и понимающим – это очень хорошо и правильно; такими должны быть все; вот так правильно поступил мальчик в рассказе – и я тоже так поступаю: люблю искусство, помогаю маме, перевожу старушек через дорогу). И в нашем рассказе нет утрирования, поверьте. К примеру, ученики разных школ писали «пробники» по тексту С. Шаргунова, где герой спасает насекомых². Детям надо было показать понимание слова «малодушие» (не будем сейчас останавливаться на том, что не все правильно понимали смысл слова). Почти никто из написавших не привел в пример героя русской литературы (думаю, у читателей нашего текста сейчас возникла масса примеров), 95 % пишущих упорно рассказывали, что и они тоже один раз спасли котенка/щенка/ежика на даче. Их мысль при создании эссе идет по шаблону, перед ними возникают не художественные образы, а *примеры* – и от того, что ценность жизненного примера и примера из читательского опыта оказывается уравнена при оценке работы, школьники перестают видеть разницу между своими поступками (часто придуманными) и... поворотами сюжетных линий, обусловленных логикой характера того или иного литературного персонажа.

¹ Фрагменты из текстов для изложений, полностью: URL: <https://vpr-ege.ru/oge/russkij-yazyk/71-izlozheniya-au>

² URL: <https://sdam-rus.ru/sochinenie-9-3-chto-takoe-malodushie/> (дата обращения: 03.05.2021).

Еще Ю. Лотман, размышляя о преподавании художественной литературы, говорил о том, что первый момент столкновения начинающего, еще неопытного читателя с художественным текстом – восприятие его как документального. Писатель рассказал о том, что было на самом деле: Печорин дрался с Грушницким на дуэли и убил его, Онегин застрелил Ленского... И это естественно – но только для *самого первого этапа* восприятия художественного произведения. Потом начинающий читатель осознает, что на самом деле не было ни Онегина, ни Ленского, ни Татьяны. Но это не значит, что Лермонтов или Пушкин сознательно обманывают своего читателя – они создают художественные образы, отражающие реальность, после приходит понимание того, что такое художественная типизация, как происходит в литературе создание типов, становящихся кодами национальной культуры: «лишний человек», «новый человек», «маленький человек»... Далее, уже получив определенный опыт чтения художественной литературы, ученик начинает понимать, как эволюционирует образ лишнего человека – от Онегина и Печорина до Обломова или Н.Н., героя «Аси», как выражается авторская позиция, что такое ирония и гротеск... Увы, современная система контроля позволяет учащемуся остаться на самом первичном уровне восприятия художественного текста и оценивать действия Печорина не как романтического героя, но как реально жившего человека, который плохо поступил по отношению к Бэлле – как Вася Петров из параллельного класса обидел Машу Иванову.

Ценность и значимость литературы как предмета в 10 классе резко падает. Опыт экзаменационного испытания за 9 класс ярко показывает, что *для сдачи экзамена* по русскому языку русская классическая литература не нужна. Она имеет единственную ценность: может быть неким примером для рассуждений, вполне соотносимым с личным опытом. Достаточно знать, что Обломов ленив, у него есть друг Штольц; Базаров не признает искусство; Катерине сложно в семье с домостроевским укладом; Андрей Болконский разочарован в своих мечтах. Автор детективов Татьяна Устинова великолепно объяснила такой подход в своем последнем романе: детдомовский мальчик читал «Войну и мир» как «неандерталец или англичанин – никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, на ком женится и не разорится ли Пьер»³. Увы, писательница даже не догадывается, что такой подход актуален для абсолютного большинства современных десятиклассников.

И вот, наконец, школьники начинают подготовку к «итоговому сочинению». Посмотрим на темы, предлагаемые для выпускников 2021 года: «Как исторические события влияют на судьбу человека?»; «Почему нельзя забывать историю своего народа?»; «Почему люди не понимают друг друга?»; «Может ли человек выжить без общения?»; «Важно ли сохранять связь между поколениями?»; «Всегда ли технический прогресс приносит пользу человечеству?» Конечно, профессиональный филолог и на такие темы сможет создать сочинение, в центре которого будет находиться текст произведения и образы его героев. Но школьник, прошедший уже через экзамены за 9 класс, ориентируется на знакомую форму, уже принесшую однажды хороший результат. Именно поэтому сначала он начинает отвечать на поставленный вопрос – подобно тому, как он видел это в текстах для изложений: историю забывать нельзя – напишет выпускник, который неточно помнит порядок следования российских императоров; общение в жизни необходимо; связь поколений важна...

Мы уже высказывали свое отношение к «сочинению по демагогии»⁴, ибо большинство школьников значительную часть такого сочинения рассуждают, демонстрируют именно свои взгляды – на прогресс, общение, на историю и т. д. А имеет ли ценность ссылка на свое мнение (аргументы «я так думаю», «мне так кажется», «я, как и Куприн, считаю») без серьезных интеллектуальных усилий, затраченных на его выработку? Вопрос о ценности собственного

³ Устинова Т.В. Камень из Ватикана. М., 2020. С. 14.

⁴ Агенисов В., Голубков М. Экзамен по демагогии // Литературная газета. 2014. № 31; Бондаренко И., Николенкова Н. Вымученное сочинение: убрать нельзя оставить // Литературная газета. 2020. № 5.

мнения не ставится, оно кажется априорно ценным. Литературная составляющая сочинения, способная стать опорой для собственного мнения, весьма небольшая и базируется на поверхностных представлениях об определенном круге произведений. Нужно ли для этого читать объемные и сложные тексты русской классики? Ответ очевиден – нет. Литература оказывается для большинства выпускников тем же, что физика и математика для гуманитариев (она же нам не будет нужна).

Как результат – у сегодняшних школьников *нет* опыта регулярного обращения к языку русской литературы, они не научились им наслаждаться, они не знают текстов, не опознают цитат. Весь богатый и могучий язык проходит мимо них, использовать его в своей речи и в своих письменных текстах они не умеют. И вина за это лежит не на соцсетях, а именно на той форме экзаменов и государственного контроля в целом, которые введены сегодня. А из выпускного эссе за 11 класс требование привести пример из литературы просто убрали. Упрощая требования к литературной составляющей, чиновники от образования сами фактически оторвали школьников от великого русского языка и классической русской литературы. Падение началось давно, но «стремительным домкратом» оно рухнуло после введения «сочинения по демагогии» в 2014 году.

С этого момента литература в школе потеряла свою важнейшую функцию: она перестала быть сферой передачи национального опыта от поколения к поколению. Современный школьник не опознает цитаты, которыми с иронией обмениваемся мы, люди предшествующих поколений («Мой друг Аркадий, не говори красиво», «Шел в комнату – попал в другую», «Собрать все книги бы да сжечь», «Аннушка разлила масло», «Доживите до старости с чистыми руками»). Они не владеют культурными кодами предшествующих эпох, передающихся литературой по вертикали десятилетий и столетий национальной жизни – такими, например, как созданные литературой XX века: Шариков, «рукописи не горят», «а был ли мальчик?», «белые одежды», «манкурт», «Красное Колесо», «Раковый корпус», «апофигей», «демгородок», «норма», «мясная машина», «generation P»...

Защита русского языка в Конституции могла радовать разве что Безрукова, который нынче с той же доверительностью в голосе рекламирует какой-то банк. Увы, пока это пустая декларация, не подкрепленная осознанной государственной политикой по отношению к литературе вообще и к ее месту в школе – в частности. Поколение, которое будет жить по конституции с «важной поправкой о языке», скорее всего, не сможет процитировать Пушкина и Тютчева, Гоголя узнает по кино, Булгакова (в лучшем случае!) – по сериалу. Литературу второй половины XX века молодежь просто не знает – после написания сочинения и получения зачета она им совсем не нужна. Вопрос о том, что сейчас читает молодой человек, в большой аудитории в последние 3–4 года начинает звучать как почти неприличный (лет 5–7 назад от первокурсников разных факультетов мы слышали фамилии Пелевина, Иванова, Улицкой). В этом году студентка одного гуманитарного факультета сообщила, что не читает художественную литературу, так как планирует сама стать писателем. Страшно подумать, что язык ее произведений будет базироваться на тех текстах, которые лежат сегодня в основе государственных экзаменов по русскому языку.

Чужой становится нашим детям русская литература. Чужим становится и язык русской литературы. Необходимо срочно менять характер и формы государственного контроля в старших классах, вводить традиционное сочинение по литературе, а не по демагогии, – то сочинение, которое учились писать поколения русских людей на протяжении более чем двух столетий – сначала в дореволюционной гимназии, потом в советской школе.

Глава 1

Метаморфозы: 20-30-е годы XX века как эпоха перемен

Концепция революции в литературе 1920- х годов (А. Блок, М. Булгаков, В. Маяковский)

В 2017 году мы отмечали столетие русской революции. Великой Октябрьской социалистической революции, как это событие именовали в советское время. Октябрьского переворота, как называл его Ленин. Но нельзя сказать, что в юбилейном 2017 году и в последующие годы появились работы, предлагавшие современное осмысление этого, действительно, главного исторического события XX века, как оно именовалось в советские годы. Не появились и литературоведческие работы, в новом свете осмысляющие проблему «литература и революция».

А между тем новое осмысление этой проблемы необходимо. Ведь именно литература как важнейшая сфера общественного сознания формировала смыслы этого противоречивого исторического события, перевернувшего судьбы страны и мира. Именно литература создала ту концепцию революции, которая предопределила характер ее понимания на десятилетия вперед. И, в свою очередь, революция определила проблематику русской литературы первой половины XX века – от поэмы А. Блока «Двенадцать» до романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Произведения, заложившие основу концепции революции, сейчас являются хрестоматийными, изучение их на уроках литературы предписано образовательными стандартами всех последних поколений. Среди них – поэма А. Блока «Двенадцать» и повесть М. Булгакова «Собачье сердце».

Уже в начале 1920-х годов в литературе складывается концепция революции, жестокая в своей идеологии, противоречивая, но по-своему пленительная. Она строилась на двух взаимоисключающих тезисах: с одной стороны, революция представлялась как ломка коренных основ жизни, ведущая к хаосу, крови, войне, разрушению. С другой стороны, кровь и хаос были оправданы, так как они мыслились неизбежными жертвами, вполне приемлемой платой за обретение новой жизни, основанной на принципах добра и справедливости. В основе этой концепции лежали философские представления, выработанные Серебряным веком и воплощенные, возможно, в наиболее яркой и завершенной форме Александром Блоком в его поэме «Двенадцать» и в серии философско-публицистических статей 1918–1919 годов, в первую очередь, «Катилина» и «Крушение гуманизма».

Блок был тем художником и философом, который выразил некие ментальные основы русской революционности. В предложенной им концепции русской революции сказались глубинные основы национального мировосприятия. Думается, что в Блоке выразилась та грань русского национального характера, которая связана с неумением ценить насущную реальность, радоваться сущему, а не вымышленному; не умея насладиться тем, что есть, взыскать града не от мира сего. Эта черта, о которой писали многие мыслители, среди них – кн. Евгений Трубецкой в статье «Русский максимализм». Эта черта, эта неспособность удовлетвориться существующим, приводящая к лозунгу «или – все, или – ничего», и стала основанием концепции революции, созданной литературой 20-х годов, концепции жестокой, антигуманной, но по-своему завораживающей своей жесткой бескомпромиссностью русского максимализма.

Революция для Блока – явление, которое не может быть исчерпано лишь социальными или политическими преобразованиями, не описывается в категориях общественно-политического характера. Это явление бытийного масштаба, охватывающее все сферы бытия, понять его можно, в первую очередь, с метафизической точки зрения. Революция, по Блоку, – это преобразование, *метаморфоза*, когда из недр старого мира рождается новый мир. Метаморфоза – процесс, независимый от воли людей, за ним стоит стихия, охватывающая все сферы бытия.

Концепция метаморфозы выражена во многих философско-публицистических статьях Блока, но в наиболее обобщенном виде она представлена в статье «Катилина» (1918). Блок сравнивает революционную эпоху с эпохой крушения Рима, полагая, что «узоры человеческой жизни расширяются по вечной канве».

«Когда-то в древности, – писал Блок в статье «Катилина», – явление превращения, “метаморфозы”, было известно людям; оно входило в жизнь, которая была еще свежа, не была осквернена государственностью и прочими наростами, порожденными ею». Далеко не всякая историческая эпоха знает явление метаморфозы. Она подготавливается общим состоянием мира, когда происходит смена эпох и цивилизаций. Один человек, одна или несколько политических партий, политический лидер, сколь ярким и влиятельным он ни был, массы людей, объединенных общей идеологией, целые классы, вступившие в борьбу, не могут вызвать ее – это не в их воле. Но есть люди, способные почувствовать метаморфозу, если им довелось жить в такую эпоху, и пережить вместе со всем миром собственное преобразование: «Ветер поднимается не по воле отдельных людей, – пишет Блок; – отдельные люди чувствуют и как бы только собирают его: одни дышат этим ветром, живут и действуют, надышавшись им; другие бросаются в этот ветер, подхватываются им, живут и действуют, несомые ветром».

Метаморфоза предстает в философии Блока как явление противоречивое. С одной стороны, метаморфоза как преобразование старого мира в новый мир сулит гибель отжившему, погружает его в хаос. Но хаос для Блока – понятие плодотворное, ибо в самом хаосе содержатся начала новой гармонии. Хаос обломков старого мира рождает гармонию мира нового – в этом и состоит суть метаморфозы.

«Что такое гармония? – спрашивал Блок в другой своей статье, в знаменитой пушкинской речи «О назначении поэта». – Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок – космос, в противоположность беспорядку – хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос – родной хаосу, как упругие волны моря – родные грядам океанских валов. <...> Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос – устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония».

Рождение гармонии из хаоса и есть сущность метаморфозы, по Блоку.

Но какая сила может привести к рождению гармонии из хаоса? По мысли Блока, последний раз мир пережил метаморфозу девятнадцать столетий назад, когда эпоха Рима завершилась и на смену ей пришла Христианская цивилизация. Сейчас же, в начале XX века, мир вновь готов пережить метаморфозу, сбросив с себя пыльные обломки старого мира. Революция, по Блоку, и есть эта метаморфоза, суть и сама природа которой не зависит от воли Ленина, большевиков, любых других политических деятелей. Она носит, в первую очередь, онтологический характер, и лишь потом следуют неизбежные социальные процессы, суть которых важна куда меньше. Но в основе этого процесса – рождение гармонии из хаоса, в который повергнут старый мир.

Итак, революция 1917 года и есть метаморфоза, случившаяся в мировой истории впервые с начала нашей эры. Именно ею вызваны к жизни «новые гунны», новые варварские массы, нашествие которых разворачивается на глазах людей начала XX века.

В сущности, сюжет поэмы «Двенадцать» и составляет история преобразования, «метаморфозы», которую переживают двенадцать, революционные матросы, патрулирующие город.

своеобразным смысловым ключом поэмы. Она объясняет контраст черного и белого как столкновение дьявольского и Божественного, переплетенного и часто неразрывного в земном мире. Дьявольское и божественное присутствует и в красноармейцах, они оказываются как бы между этими противоположными началами бытия: они ведомы Богом, но и дьявольское не отпускает их: «Позади – голодный пес, <...> Впереди – Иисус Христос».

В чем же суть метаморфозы, которую переживают они? В чем смысл преображения, которое ожидает их? В приближении к Богу, который пока невидим для них, в стремлении отринуть от себя дьявольское: «Старый мир, как пес паршивый, / Провались – поколочу!».

Блок полагал, что в революционную эпоху, эпоху метаморфозы, психологическая жизнь человека, вовлеченного в исторический процесс, резко меняется. «Простота и ужас душевного строя обреченного революционера, – писал Блок в статье «Катилина», – заключается в том, что из него как бы выброшена длинная цепь диалектических и чувственных посылок, благодаря чему выводы мозга и сердца представляются дикими, случайными и не на чем не основанными. Такой человек – безумец, маниак, одержимый. Жизнь протекает, как бы подчиняясь другим законам причинности, пространства и времени; благодаря этому и весь состав – и телесный и духовный – оказывается совершенно иным, чем у «постепеновцев»; он применяется к другому времени и к другому пространству». Описывая изменения, произошедшие с «римским революционером», «римским большевиком» Катилиной две тысячи лет тому назад, Блок усматривает в нем, воистину сыне Рима, маньяке, убийце, человеку без нравственного закона в сердце, глубокие изменения. Эпоха смены цивилизаций, римской на христианскую, привела к метаморфозе и его, заставив пережить глубинное и незаметное ему самому преображение: «ярость и неистовство сообщили его походке музыкальный ритм; как будто это уже не тот – корыстный и развратный Катилина; в поступи этого человека – мятеж, восстание, фурии народного гнева»⁵.

Образ Катилины, созданный А. Блоком, связан с его интересом к творчеству Г. Ибсена, о чем убедительно свидетельствует В. М. Толмачев: «Катилина в отличие от мира, где “властвует корысть и насилие”, является, согласно цитате из Ибсена, приводимой Блоком, “постоянно живым”, и далеким от всякой догматизации, “усвоением идеи свободы”»⁶. Обращение к образу Катилины как Блока, так и Ибсена исследователь связывает с мотивом бунтарства против старого, одряхлевшего, запылившегося мира, объединявшего двух художников, а также с некоторой схожестью их взглядов на пути его преодоления.

Подобно тому, как сын Рима времен упадка, насильник и развратник Катилина стал римским революционером и пережил преображение, преображение переживают и двенадцать героев поэмы Блока. Они не просто проходят по улицам Петрограда, они переживают бытийное преображение, восходят от дьявольского, стряхивая его с себя, к божественному, поднимаясь до него, но, подобно Катилине, не осознавая этого. Из хаоса старого мира они устремляются к грядущей гармонии мира нового. Еще одним способом выразить этот, бытийный, онтологический, сюжет поэмы становится для Блока постепенный переход от полифонии, многоголосия, нестройности первых глав, символизирующих бытийный хаос на обломках старой цивилизации, к строгости и упорядоченности последней главы с ее «державным» маршевым ритмом. Мотив стройности и гармонической упорядоченности подчеркнут в ней дважды. Двенадцатая глава открывается строфой «... Вдаль идут державным шагом», которая повторяется в заключительном стихе поэмы: «... Так идут державным шагом».

Таким образом, мы можем сказать, что поэма «Двенадцать» стала первым произведением русской литературы, в которой нашла художественное воплощение строгая и стройная,

⁵ Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 5. С. 442

⁶ Толмачев В.М. А. Блок и Х. Ибсен: опыт компаративного исследования // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 48.

глубокая по философскому содержанию концепция революции. Комплекс философских идей Блока, выраженный им в его публицистике и в художественных произведениях, нуждался в особых средствах художественного воплощения. Такими средствами стали предельно широкие образы-символы, пространственно упорядоченная кольцевая композиция, контраст как способ организации художественного пространства поэмы, полифония.

Но не только статья Блока «Катилина» обосновывает блоковскую концепцию метаморфозы как рождения гармонии из хаоса старого разрушающегося обветшавшего мира. Хрестоматийная статья Блока «Крушение гуманизма» важнейшую роль в обновлении мира, в создании новой культуры, в творчестве новой мировой гармонии отводит *«варварским массам»*. Что заставляет Блока принести в жертву грядущим варварским массам и самого себя, и культуру гуманизма, которой он всецело принадлежит?

О грядущем владычестве человека массы уже со середины прошлого века заговорили очень многие – имена Герцена или Достоевского, автора «Зимних заметок о летних впечатлениях», являются одними из наиболее заметных и значимых. В Европе это владычество проявилось как смена общечеловеческих ценностей буржуазными – в том смысле, какой вкладывали в это слово люди рубежа веков и какой выразил И. Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско». Но только в России оно обернулось крушением государственности и прежней культуры. Приход к власти человека массы сопровождался русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. «Заурядность, прежде подвластная, решила властвовать. Решение выйти на авансцену возникло само собой, как только созрел новый человеческий тип – воплощенная посредственность»⁷.

С точки зрения испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, труды которого обращены к исследованию социальной ситуации первой половины XX века, как она складывалась в Европе, масса оказывается главным действующим лицом XX века, его диктатором. В целой серии его работ и, в первую очередь, в статье «Восстание масс», он приравнивает массу к толпе, психологию массы – к психологии толпы, и выделяет особый культурно-психологический тип – тип человека массы. «Масса – это средний человек. <...>... Это совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип. <...> В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному- единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. <...> Масса – это посредственность... Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. <...> Масса сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее»⁸. Масса, по мысли философа, обладает достаточно четко определенными свойствами поведения в историческом пространстве: она плывет по течению, лишена ценностных ориентиров, поэтому становится объектом любых, самых чудовищных политических манипуляций, как, скажем, Швондер использует Шарикова для своей борьбы с профессором Преображенским. Энергия массового человека направлена не на творчество, а на разрушение. Массовый человек не созидает, даже если силы его огромны. Все это дает возможность выделить черты «анатомии» и «физиологии» человека массы. Это, во-первых, неограниченный нуждой рост материальных потребностей. Духовные же потребности человека массы сведены к минимуму. Во-вторых, полное отсутствие социальных барьеров, сословий, каст, когда все люди узаконено равны, заставляет человека массы любому другому человеку, принадлежащему меньшинству, диктовать равенство с собой. О том, как подобное требование человека массы воплотилось

⁷ Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 333.

⁸ Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 309–311.

на русской почве 1920-х годов, размышлял не только Булгаков. А.Н. Толстой писал в первой редакции «Хождения по мукам»: «На трон императора взойдет нищий в гноище и крикнет – “Мир всем!” И ему поклонятся, поцелуют язвы. Из подвала, из какой-нибудь водосточной трубы вытащат существо, униженное последним унижением, едва похожее-то на человека, и по нему будет сделано всеобщее равнение». Толстой действительно уловил важную грань общественных «массовых» настроений: право человека массы предложить обществу всеобщую унификацию с собой выразилось в концепциях личности Пролеткульта и ЛЕФа, именно с ними полемизировал Е. Замятин в романе «Мы».

Ортега определяет некоторые черты психологического склада человека массы: беспрепятственный рост жизненных запросов, ведущий к безудержной экспансии собственной природы, и врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить его жизнь и дать возможность этим запросам реализоваться. В результате человек массы по своему душевному складу напоминает избалованного ребенка. Его мирочувствование определяется, «во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого – чувством собственного превосходства и всеилия, что, естественно, побуждает принимать себя таким, какой есть, и считать свой умственный и нравственный уровень более чем достаточным. <...> И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта – вмешиваться во все, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно...»⁹

⁹ *Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры.* М., 1991. С.333–334.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.